

Рувинский Роман Зиновьевич

Roman Z. Rouvinsky

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры истории и теории государства и права
Нижегородского института управления —
филиала РАНХиГС

**От чрезвычайного положения к «новой нормальности»:
сегодняшний кризис и грядущий правопорядок¹**

**From the state of exception to the “new normal”:
the today’s crisis and the coming legal order**

Мы живем в век потрясений, или, более точно, в период, который, используя меткую дефиницию К. Шмитта, можно охарактеризовать как «аномальное промежуточное состояние»². Это аномальное промежуточное состояние, но не между войной и миром, о чем писал известный немецкий правовед прошлого века, а, скорее, между двумя моделями или состояниями правового порядка, если понимать под правовым порядком систему устойчивых социальных институтов, охраняемых ими общественных отношений и вырабатываемых ими общеобязательных правил поведения³. Наиболее характерной, бросающейся в глаза чертой того промежуточного состояния, в котором находятся глобальный и национальные правовые порядки в течение последних двух десятилетий, является его хронически чрезвычайный характер, все большее распространение исключительных в своей основе правовых режимов, законодательных норм и актов правоприменения. «Чрезвычайное положение все более и более стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики»⁴, писал итальянский философ Дж. Агамбен вскоре после терактов 11 сентября 2001 года и объявления Соединенными Штатами «крестового похода» против международного терроризма. Сегодня мы можем видеть, насколько далеко продвинулось обращение к чрезвычайным средствам не только в политике, но также и в юриспруденции, экономике, социальной сфере вообще.

Начиная с реакции на теракты 11 сентября 2001 года, проявившей себя не только в более агрессивной политике НАТО на Ближнем Востоке, но и в повсеместном внедрении множества бытовых ограничений и дополнительных мер безопасности (ужесточение правил досмотра при посадке на авиарейсы, распространение камер видеонаблюдения в общественных местах, увеличение штатов служб безопасности в публичных учреждениях и даже коммерческих офисных центрах, и т. д.), человечество было вынуждено привыкать к тому, что немислимое ранее постепенно становится нормальным и привычным. Финансово-экономический кризис 2007—2008 годов стал обоснованием для введения во многих странах мира политики так называемой «жесткой экономии», для многих предпринимателей и рядовых граждан ставшей серьезным потрясением и приучившей их не полагаться на поддержку со стороны своих правительств. Наконец, серьезнейшим испытанием и потрясением стала пандемия нового коронавируса SARS-CoV-2 (COVID-19), заставившая современные государства в спешном порядке вводить беспрецедентные ограничения на передвижение граждан, экономическую деятельность, трудовую активность и формы проведения досуга, на ходу меняя действующее законодательство⁵. Все это кризисные явления, затрагивающие не одно, а все или подавляющее большинство современных государств, однако кризис — это всегда точка перехода от чего-то уходящего к чему-то новому. В этом смысле кризисы, затрагивающие правовые и политические порядки, экономический и социальный уклад, должны пониматься как периоды перехода к неким новым состояниям/обликам социальных порядков и укладов. Интересно не столько то, как проявляет себя тот или иной кризис, а то, каковы его динамические тенденции, в какую сторону кризисные процессы ведут.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173.

² Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. С. 5.

³ См.: Romano S. The Legal Order / trans. M. Croce. London & New York: Routledge, 2017.

⁴ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: «Европа», 2011.

⁵ См., например: Platon S. Reinventing the wheel... and rolling over fundamental freedoms? The Covid-19 epidemic in France and the “State of Health Emergency” // The Theory and Practice of Legislation. 2020. № 3 (8). P. 293—309.

Как надеется большинство людей в мире, рано или поздно пандемия пойдет на спад и заражение COVID-19 перестанет быть угрозой более серьезной, чем грипп или сезонное ОРВИ. Надежда на это подкрепляется появлением в последние месяцы сразу нескольких вакцин от коронавируса, а также нарастающими темпами вакцинации. По прогнозам экспертов¹, однако, даже при благоприятном сценарии, мир вряд ли вернется к тому состоянию, которое имело место до пандемии: кризисная перестройка хозяйственной деятельности и многих повседневных занятий приведет к формированию новых устойчивых привычек, а многие ограничения, вероятно, останутся с нами на долгие годы, как остаются не отмененными правила досмотра в самолетах, несмотря на разгром ведущих исламистских террористических организаций — Аль-Каиды и ИГИЛ.

«Новая нормальность», о которой сегодня повсюду говорят политики, ученые и эксперты² и которая, судя по всему, предполагает постепенный и, по крайней мере, частичный отказ от ряда личных свобод (прежде всего, от свободы передвижения и права на неприкосновенность частной жизни) в пользу предполагаемого повышения безопасности биологического существования, ставит ряд вопросов относительно того, как должен обеспечиваться новый, формирующийся порядок, какое бремя вынуждены нести в связи с этим современные национальные государства и какая ответственность ложится на плечи сотрудников правоохранительных органов. Попытаюсь представить свои соображения на этот счет в виде нескольких кратких тезисов.

1. Национальные (т. е. организованные в соответствующих территориальных границах) государства, как и в случае с финансово-экономическим кризисом 2007—2008 годов, сегодня оказались в положении субъектов, на которых лежит наибольшая степень ответственности и от которых граждане ожидают решения своих проблем. Это ответственность и за сохранение здоровья населения, и за обеспечение отраслей, пострадавших от замедления экономической деятельности, и за нейтрализацию негативных социальных последствий антикризисной политики. Мы наблюдаем небывалое, как кажется, с 1990-х годов укрепление национальных суверенитетов, так как государства вынуждены закрывать границы и бороться с распространением заражений собственными силами. На самом же деле такое резкое усиление значимости национальных государств может привести к их еще более резкому ослаблению, делигитимации действующих государственных режимов, ситуациям распада государственности в тех случаях, когда правительства по каким-то причинам окажутся не в состоянии справиться с грузом навалившихся на них задач.

Любой кризис означает поляризацию социальных настроений и рост общественного недовольства чрезмерно жесткими или, напротив, недостаточно своевременными и эффективными мерами, предпринимаемыми на уровне национальных государств. В этих условиях можно спрогнозировать рост внутригосударственных конфликтов и противоречий, повышение популярности радикальных антиправительственных политических течений, непримиримое (и часто манипулятивное) противопоставление граждан государственным служащим и, в особенности, сотрудникам полиции, армии, силовых структур.

2. Усложнение социальной обстановки на волне борьбы с эпидемиологическими угрозами требует не столько сохранения существовавшего ранее правопорядка, сколько кардинальной его перестройки. Уже сегодня в качестве панацеи от возврата к «естественному состоянию войны всех против всех» государственные деятели, эксперты и наиболее влиятельные представители бизнес-сообщества пропагандируют цифровизацию публичного управления. Придуман и введен в обиход даже специальный термин — «цифровая трансформация»³. Возможность использования продвинутых технологий анализа больших массивов данных (Big Data) и алгоритмов искусственного интеллекта подводит правительства современных государств к, казалось бы, само собой разумеющейся идее создания *цифровых профилей* для каждого гражданина и организации, с последующим аккумулированием в этих профилях всей имеющейся в государственных базах данных информации о соответствующих субъектах. Предполагается, очевидно, что аккумулирование данных о субъекте, его доходах, имевших место правонарушениях и судебных взысканиях позволит государственным органам осуществлять свои административные функции более адресно и эффективно. Управление в таком случае должно постепенно превратиться не в управление лицами, а в *управление рисками*, за счет алгоритмов сделаться более объективным. Контрольно-

¹ Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020.

² Там же.

³ См., например: Holmstrom J. From AI to digital transformation: The AI readiness framework // Business Horizons. 2021. DOI: 10.1016/j.bushor.2021.03.006.

надзорная деятельность государства может по большей части перейти в форму пруденциального (от англ. *prudential* — «продиктованный благоразумием») надзора, а раскрытие уже совершенных преступлений и административных правонарушений быть в значительной степени вытеснено предиктивной аналитикой¹.

По-видимому, дальше всех по этому пути к настоящему времени продвинулся Китай. В рамках внедряемой в этой стране *Системы социального кредита* (社會信用體系 *шэхуэй синь юн тиси*), на основе единых социально-кредитных кодов граждан и организаций уже сейчас поведенческие акты субъектов, имевшие место в прошлом, учитываются при осуществлении административной деятельности по лицензированию, проведению проверок, допуску субъектов к участию в государственных торгах, предоставлению гражданам выездных виз и т. п. Единая система идентификационных (социально-кредитных) кодов позволяет быстро получить необходимую информацию о том или ином субъекте и является предпосылкой для создания полноценных и многофункциональных цифровых профилей физических и юридических лиц, данные из которых в перспективе должны обрабатываться в автоматизированном режиме посредством алгоритмов искусственного интеллекта².

Пытаясь не остаться в стороне от новейших трендов и не отстать от других государств, Российская Федерация также развивает данное направление. В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и федерального проекта «Цифровое государственное управление» уже разработан механизм создания цифровых профилей физических и юридических лиц³. Проводится эксперимент по установлению специального регулирования в целях разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта⁴.

3. Создание цифровых профилей и переход от правосубъектности к институту цифровой личности с последующим внедрением социального рейтингования (ранжирования, грейдирования) и дифференциацией регуляторных и правоприменительных мер в зависимости от содержимого профилей их адресатов — инновации, ведущие, с одной стороны, к ожидаемому укреплению общественного порядка и повышению предсказуемости социальных взаимодействий, а с другой стороны, порождающие новые угрозы. Наиболее масштабной из таких угроз является радикальная реконфигурация конституционализма как системы взаимоотношений граждан и публичной власти: если характер взаимоотношений с государственными органами и объем предоставляемых публичных услуг определяются в значительной мере «социально-кредитной историей» субъекта, содержащейся в его цифровом профиле, тогда принцип формального равенства граждан и признание граждан в качестве учредительной власти (источника государственной власти) теряют свое значение. «Оступившиеся» однажды субъекты, сформировавшие о себе «плохие» репутационные данные, обречены на предание остракизму и попадают в порочный круг негативных мер государственного принуждения. Таким образом, определенная и, вероятно, достаточно обширная категория граждан рискует оказаться на обочине правопорядка: лишённые возможности реализовывать формально закрепленные за ними права и свободы, эти люди вполне могут стать резервуаром антисоциальной, протестной энергии, источником социальных конфликтов и неопределенности.

4. Государство и, в первую очередь, его силовой аппарат в рамках грядущего (формирующегося) правового порядка оказываются в наиболее уязвимом и неоднозначном положении. С одной стороны, управление посредством цифровых профилей, алгоритмов и предиктивной аналитики упрощает реализацию значительной части внутренних государственных функций, прежде всего — реализацию его социальной и правоохранительной функций. С другой стороны, при таком разви-

¹ См.: Predictive Policing and Artificial Intelligence / ed. by J. McDaniel, K. Pease. Abingdon: Routledge, 2021.

² См.: 虞青松 [Цинсун Ю]. 算法行政:社会信用体系治理范式及其法治化 [Алгоритмическое администрирование: управленческая парадигма Системы социального кредита и ее нормативно-правовые основы] // 《法学论坛》 [Правовой форум]. 2020. № 2. URL: <http://fzsfjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm> (дата обращения: 28.04.2021).

³ См.: Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление». URL: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaaya-informaciya/material/Pasport-federalnogo-proekta-Cifrovoye-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> (дата обращения: 28.04.2021).

⁴ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17, ст. 2701.

тии событий, вероятно, мы должны будем говорить уже совсем не о том *государстве*, какое привыкли себе представлять. До сих пор так или иначе связанное с гражданской нацией, черпающее из нее свою власть и легитимность, *современное государство* (государство эпохи модерна) может трансформироваться в государство как безличный *автомат контроля par excellence*. Конец модели правового государства (даже в наиболее узком его понимании¹) и неочевидность бенефициаров новой правовой политики на национальном уровне заставляют задаться вопросами: в чьих интересах, для кого? Не станет ли усиление полицейской, контрольно-надзорной составляющей государственности этапом в утрате народами своей субъектности, своего суверенитета, возможности оказывать влияние на принятие публично значимых решений? Не окажется ли силовой аппарат, прежде всего — сотрудники полиции, в положении слепого орудия достижения неопределенных целей, на которое к тому же в любой момент можно возложить ответственность за управленческие неудачи и непопулярные административные меры?

В любом случае, события не предопределены. Наблюдаемые сегодня кризисные тенденции имеют различные варианты развития, но, безусловно, всякий кризис имеет свое разрешение, к лучшему или к худшему. Понимание этих тенденций и готовность к новым вызовам необходимы правоохранительным органам уже сейчас: периоды нестабильности опасны резкими социальными взрывами, попытками перехватить власть, подорвать существующий правопорядок. Нужно, впрочем, осознавать, что подрыв правопорядка в его основах (правовое государство, режим народовластия, права и свободы личности) может происходить латентно, не обязательно по воле каких-либо экстремистских групп, но в соответствии с политическими решениями, законодательными и правоприменительными актами легальных институтов.

Собко Руслан Васильевич

Ruslan V. Sobco

кандидат философских наук, доцент кафедры теологии и философии Нижегородской духовной семинарии

Понятие *Deep State* в контексте масонской антропологии

The concept of *Deep State* in the context of Masonic anthropology

Теории заговора в ряде современных исследований рассматриваются несколько однобоко. Так, если само понятие «теория заговора» достаточно исследовано и сами теории разобраны по типам и истории возникновения, то их влияние на современную жизнь часть исследователей представляют исключительно внутри маргинальных сообществ. Между тем их влияние на современный социум многократно усилилось благодаря интернету².

Так, например, Майкл Вуд утверждает, что интернет не только то место, где эти теории зарождаются, но и такое место, где они получают некоторый онтологический статус, то есть, может быть, тех явлений, которые описываются внутри этих теорий, и не существует, но они сами существуют внутри виртуального мира идей³. На подобных же основаниях в этом полуреальном мире идей существует реклама, современный кинематограф и даже политика⁴. Они не столько отражение реально существующих вещей, сколько виртуальные симулякры, которыми человек подменяет свое реальное окружение, или, точнее, сейчас за него это уже делает современный искусственный интеллект, использующий *big data*⁵.

¹ О так называемых «узких», или «тонких» (thin) подходах к пониманию правового государства и верховенства права см.: Tamanaha B. *On the Rule of Law: History, Politics, Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 92.

² Clarke, Steve (2007). *Conspiracy Theories and the Internet — Controlled Demolition and Arrested Development*. *Episteme* 4(2), 167—180.

³ Wood, Michael J. & Karen M. Douglas (2013). "What about building 7?" A social psychological study of online discussion of 9/11 conspiracy theories. *Frontiers in Psychology*, July 2013. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00409>.

⁴ Dentith M. R. X. (2014). *Some Problems with a General Definition*. In: *The Philosophy of Conspiracy Theories*. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/9781137363169_4.

⁵ См.: Собко Р. В. *Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива* // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 1 (53). С. 308—311.